

«Перед рассветом»:

новая книга Геннадия Зюганова

Новая книга лидера Коммунистической партии Российской Федерации доктора философских наук Геннадия Зюганова была представлена писательскому сообществу в апреле сего года в Доме Ростовых.

Ведущая знаменательной встречи, сопредседатель Союза писателей России Лариса Баранова-Гонченко открыла собрание цитатой Уинстона Черчилля: «Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, в то время как государственный деятель – на следующие поколения». Ведущая подчеркнула, что книга «Перед рассветом» написана именно государственным деятелем, потому что автор обращается в ней к грядущему поколению. Действительно, зал Дома Ростовых был заполнен молоды-

ми коммунистами и комсомольцами Москвы, пришедшими на встречу к Геннадию Андреевичу.

В свою очередь, лидер КПРФ, обращаясь к залу, в котором также присутствовали видные писатели Москвы, Нижнего Новгорода, Перми, Крима, учёные-филологи из ИМЛИ РАН, Литературного института им. А.М. Горького и представители общественных организаций, рассказал о том, что подвигло его на создание новой книги. Навязывание западной массовой культуры, разрушение отечественной системы образования, некогда лучшей в мире, отсутствие национальной идеи, за которой могла бы пойти молодёжь, – все эти приметы нового времени не могут не волновать лидера коммунистической партии, а также любого образованного человека.

Отличительной особенностью новой книги Зюганова является то, что в её основе лежит, помимо экономического, политического и социального, и культурный контекст. Об этом в своём выступлении говорил главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев: «Мне очень отраднo, что Геннадий Андреевич

Заместитель председателя – секретарь исполкома МСПС Юрий Конопляников приветствует Геннадия Зюганова в стенах Международного сообщества писательских союзов

обращался в своей книге к русской литературе, ведь литература в России – гораздо больше чем просто художественное изображение жизни, она в известной степени наша религия и наша история... Автор цитировал стихи Фёдора Тютчева, Светланы Сырневой, Виктора Верстакова. Геннадий Андреевич понимает значение литературы, которая вскрывает сущность явления, а не просто описывает его фактографическую точность».

Именно о вопиющих фактах уничтожения самобытной отечественной культуры и говорит на страницах своей книги Зюганов. Открыто, просто и безапелляционно. На вопрос о её названии автор отвечает: «Тьма гаснет перед рассветом». Значит, не всё потеряно и рассвет не за горами?

Поверить в этот оптимистический прогноз помогли чудесные песни в исполнении заслуженного артиста России Леонида Шуйского, лауреата международных конкурсов Андрея Савельева (Нижний Новгород) и солистки воронежской филармонии Надежды Колесниковой.

В завершение вечера Геннадий Зюганов наградил писателей медалями к 50-летию полёта Юрия Гагарина.

100 лет поэту Сергею Васильеву

Этот высокий весёлый человек всегда был окружён людьми: смех, шутки, остроты, импровизации сопровождали его появление. Казалось, он рождён был для радости, казалось, не было ни ранних мигратив беспризорничества, случайных работ санитаром, истопником, разносчиком газет... Но вот читаешь знакомые строки:

Курган улицы прямые!
Увидев вновь вас, понял я
с особой ясностью впервые,
что это родина моя...
Босьми шлёпая ногами
по теплой пыли городской,
я здесь пронёс сиротства камень
и холодок любви мирской.
Но я ничуть не укоряю
ни мрак нужды, ни холод зим –
я всё теперь благословляю
и всё считаю дорогим.

и становление характера его, типического для этой среды, происходит вместе с пробуждением социальной активности русской деревни. Солдатчина и участие в первой мировой войне, лазарет, баррикады на Пресне, партизанская борьба в тылу Колчака... Событийность и сложная драматургия вещи потребовали особую романную композицию, а с ней – и дальнейшее обогащение языка. Возвращение на родину описывается с особым юмором:

Новый ватничек нарядный,
Шапка в кольца завита,
Прикинул семизарядный
Под ремнём, у живота...

Александр Черенок идёт в ряду народных героев, подобных Щорсу, Лазо, Чапаеву. С первых дней Великой Отечественной войны Сергей Васильев добровольно всту-

Когда генерал-полковник артиллерии Воронов призвал рядового Васильева с передовой, когда последний предстал перед командующим «богом войны» в продуманной стёганке, смущённый неожиданным приглашением и своим отнюдь не парадным видом, в его голове уже жил замысел крупной вещи. Но с этого разговора началась процесс кристаллизации, сосредоточения поэтической мысли вокруг Бородинского сражения, отбор самых значительных фактов несравненного героизма.

Бородино! Тверда земля твоя!
Одно твоё торжественное имя
выводит павших из небытия
и чудодейно властвует живыми.

Поэт избегает восклицаний, многословия. Воинская жёсткость ошущима в скупом рисунке. Лаконичны, хоть и торжественны, упоминания о героях: «Пройдут года, но песня сохранит тот грозный день. И мы припомним снова, как разогнулась прусская подко-

Эта здесь, под хмурым небом бранным,
шёл туляк на смертный бой с врагом,
пробивая путь четырёхгранным,
кованым, карающим штыком.
Это здесь в неистовом разгоне
на роскошных сёдлах расписных
в бой несли карой масти кони
забубенных вадиком донских.
Это здесь, на солёном просторе,
на виду у меркнувшей зари
разливали озенное море
зрительные наши пушкири.
Русский воин!
Разве ты в неволе
можешь быть, пока ты сердцем живёшь?
Разве ты минуешь это поле,
гордой головы не обнажив?

Преклонение перед славой народа, общее желание прогнать врага с русской земли, собрать все силы для полной победы – эти мотивы подчеркиваются сдержанным торжеством анафор, становящихся отныне важнейшей приметой васильевской строфики.

Где б ты ни был, честный русский воин,
Помни: о тебе гремит молва.
Будь всегда носить в крови достоин
Гневный жар великого родства.
Бейся в схватках равных и неравных
до конца! Плати врагу сполна!
Помни, что ты правник и праправник
доблестных солдат Бородина!

Весной 45-го Васильевым написана ода «Русский человек». В ней представление о русском характере обретает завершенность и силу обобщения.

Он всё прошёл. Он видел в жизни виды,
он испытал в решительном бою
и гнев святой, и злость от обиды,
и скорую отходчивость свою.
Он правды добивался неукомно,
как верный страж своей родной земли.
Не потому ль насильников знамена
к его ногам (в который раз!) леги.
...Пушай тебя кружили непогоды,
но счастья будь безудержно, до слёз,
что приняла ты в младенческие годы
благословенье северных берёз.

Незаметен и лёгкий переход от «он» к «ты», сокращающий расстояние между поэтом и читателем. Откровение рождается в осмыслении пройденного пути, в постижении огромной исторической важности только что свершившейся победы. Лирический эпос опирается на собственный боевой опыт, на чувство счастливого единения со своим народом.

«Русский человек», «Земляки-сибиряки», «Поле русской славы» подготовили высокое вдохновение гимна России. Видя перед собой истерзанную землю родины, поэт огромным усилием памяти, воображения вызывает древний и недавний, довоенный образ, вдохновляется воспоминаниями о самых разных исторических периодах в жизни Отчизны.

В минуту горя, в час разлуки
целую мысленно всегда
твои натруженные руки
в часы бессменного труда...
В злую ночь грозы военной
и в светлый полдень торжества
несу в себе, как жар бесценный,
огонь великого родства.
В землянках, избах и хоромах
равно прекрасна твой народ.
Люблю бурн твоих черёмух
и твой червонный листопад.

Вечная тема отечественной поэзии развивается в русле преемственного наследования всех прав и обязанностей поэта в отношении к своей многогранной родине, к своему народу. Продолжая лермонтовский, блоковский, есенинский разговор с Русью, зачастую драматический, но всегда сокровенно-спасительный, возвышающий душу и приближающий к истине мысль, поэт принадлежит к источнику в пору особенную. Он говорит с той Россией, которая спасла мир. В поэзии Сергея Васильева «Россия» – это песня о собственном счастье быть её сыном, песня гордости, силы, веры в её будущее.

Первый послевоенный год был особенно творческим, полётным для Сергея Васильева. По совету М.А. Шолохова поэт уезжает на свою малую родину, где вспыхивает в сердце и отливается в чеканные строки его вдохновенный курганский цикл: «Россия», «Прямые улицы Кургана», «Урал», «Ода русской пушке», «Кузнец Жора»... Здесь подступает и давно мечтаемый рассказ о русском воздухоплателе Можайском.

Птицы были с незапамятных времён его страстью, изумлением и гордостью, особенно когда заслушивались курганские мальчишки (а позже – и московские друзья), как ловко и точно подражал он птицам, свистал

и курлякал, шёлкал и дробно потрескивал... Вот коростель, а вот иволга, тут и соловушка поддал голос... А всё это Сергей Васильев. И когда он, азартный «птичник» и заядлый голубятник, узнал, что русский учёный Александр Можайский тоже был птичник и голубятник, эта фигура увиделась близко и пленила сердце поэта. Сразу потянулось ниточка душевной общности, легче стало писать о нём.

Поэма «Первый в мире» создавалась в течение трёх лет (1949-1952). Проследить рождение идеи, её внутреннее становление, выявить движение мысли, воплотить поиск, связанный с математикой, физикой, конструкторской работой, – сложнейшая эта задача решена была основательно и с блеском.

В образном решении поэмы прослеживается единоростовство двух мотивов – мечты и тьмы. Образ мечты возникает вместе с Можайским и неотделим от его облика. Вот он подбирает разбившуюся чайку, изумляется «чуду классических форм», и впервые возникает в душе морского офицера ещё смутное внимание к строению крыла.

Первый полёт станет средоточием сюжетно-психологической кульминации поэмы. Можайского в дикинском змее из прямолинейной сосны танет за верёвку по земле ямщик на тройке... В тот апрельский день «люди увидели в небе впервые, как лбом рассекая крутящийся снег, над полем летел плоскодонник дощатый. А в нём на открытой площадке покаты, лохматый, как демон, сидел человек!»

Звенел молодой колокольчик казённый,
и комыя разбухшей земли потрясённый
летели взлёт из-под конских копыт
на сухих придорожных ракетах.
Смущённый мужик с сыромютною плетью,
облаканный баринам, вовсе не знал,
что на свою тройку залётную гнал
не просто по тракту,
а прямо в столетья.

Однако ни поддержка влиятельных друзей, ни безответные письма царю не помогут Можайскому построить настоящий летательный аппарат, который уже готов в его схемах и чертежах.

Но вот, наконец:

Можайский бежал за созданием своим,
за тяжкой прекрасной своею судьбою,
за гордой мечтой, завоеванной с бою,
за первой, последней любовью хмельною,
за ясным, волшебным рождением вторым.
Бежал, как безумный, не чувствуя ноши,
всей грудью дыша, приминая цветы,
не видя, не слыша, как били в ладоши,
как в знойное небо цветистой порошей
летели фуражки,
перчатки,
зонты.
Бежал, как безумный юнец, без оглядки,
шепча неприкаянной клятвы слова,
по знойному полю до места посадки,
до ближайшей межи своего торжества.

И тут проявилась во всей полноте крупная, цельная васильевская фраза с её глубоким дыханием, однозначностью, нарастающей эмоциональностью, психологизмом и острой оценочностью сравнений. Такая фраза помогает полнее раскрыть духовное торжество героя, благородство его личности.

Между тем, Шолохов, прочитав курганский цикл, посоветовал Сергею Васильеву снова побывать на родине, дабы «прогнать» новых, значительных тем, а «если поживёт там подольше, то будет, может быть, и поэма». Совет был учтён. Вернулся из этой поездки Васильев с поэмой «Красный галстук».

Однако война, страдания, подвиги наших людей не уходили из сердца поэта. Открывались всё новые трагические страницы битвы. Особенно потрясла Васильева героическая гибель генерала Карбышева, его несокрушимый дух, благородство, интеллект. В поэме «Достоинство» монологичный характер героя раскрывается в самый вершинный момент его сложной судьбы. Его хладнокровное презрение к посланцам фюрера и твёрдость вселяют уверенность в сердца узников Маутхаузена. Карбышев словно аккумулирует их энергию, их волю к борьбе, утверждая своим подвигом высокую необходимость морального превосходства над смертью. Глава «В паучьих вточинах гестапо» содержит центральный диалог поэмы, здесь обнаруживается нравственно-философское противостояние, столкновение двух исторических сил в мировой борьбе. В Берлин доносится «неумолкающее эхо великой битвы под Москвой», лиша фашистов надежды завербовать Карбышева. Они обрекают его на мученическую смерть под ледяной струёй.

Сожмнулись веки. Мрак сустился,
Затих в груди последний гром.

Высокий лоб засеребрился
коварным тонким серебром.
Как быстро ветер студит воду!
Колени скрывают лёд,
но он на них врагам в угоду
не падал и не упадёт!
...Как будто белая берёста
сменила смелой кожи глазь,
так вот как яростно и просто
умеют люди умирать.
Жил человек, судьбы хозяин,
с красивой гордой головой,
а стал легендой, и званым
из непогоды ветровой.

Признанием замечательного мастерства поэмы «Достоинство» стала Государственная премия.

Последняя поэма С.Васильева «Изда над Тоболом» (1975) – о судьбе Кюхельбекера, о недолгой жизни опального поэта в Кургане. Ощущение живой, трепетной Вечной Поэзии возникает здесь в воспоминаниях о Пушкине. Одинокий, больной Вильгельм Карлович думает о «ветлеших умах России» – Пушкине, Грибоедове, Рылеве. День рождения «Сашеньки-свет-Сергенца» становится тут всеобщим праздником, и речь о Нем – последний душевный взлёт Кюхельбекера:

...неслыханный голос его ловлю,
его жизнь припадаю к его слагу,
никак свою жажду не утолю.

Но и в горьком разговоре о творческих и физических муках Кюхли С.Васильев верен себе: сочные картины шумящей жизни родного края, разгульные хоры, озорные припевки, многоголосие и стремительное движение стиха жужжат голову, в едином слове являя читателю широкий национальный характер.

Талант Сергея Васильева ярко проявился и в песенном творчестве. Недаром Шостакович, Дунаевский, Новиков, Мокроусов, Блантер, Мурадели, Туликов писали музыку на его стихи. Иные песни многие считают народными. К примеру, «Приходите свататься». Лукавая, смешливая, иногда грубоватодобродушная песенка, озорная, с присвистом, с перебором каблучков. Музыка Новикова точно раскрыла смысл и образ песни.

Приходите свататься,
я не стану прятаться,
я невеста не плоха,
выбирайте жениха!

Непринуждённая, яркость интонации, звучная оркестровка принесла этой песне заслуженную популярность.

«Фуражка», «Небывалая стройка», «Виновата любовь», знаменитая «Дорожная» (муз. И.О. Дунаевского), цикл песен о Москве... Воплотить в прозрачном слове звенящую любовь к земле суждено было поэме о берёзе:

Я помню, ранило берёзу
осколком бомбы на заре,
студёный сок бежал, как слёзы,
по изувеченной коре.

Бон под Москвой, навсегда врезавшись в сердце страдания Родины, страшные разрушения, мучительное напряжение – всё осталось поэзии. А вот раненая подмосковная берёза запала в память, неслышно жила все эти годы в душе, чтоб вылиться светлой песней. Музыка к «Белой берёзе» написал Анатолий Новиков. О «Белой берёзе» и «Подмосковье» тепло сказал Исаковский на Втором съезде советских писателей, назвав их в числе самых лучших наших песен.

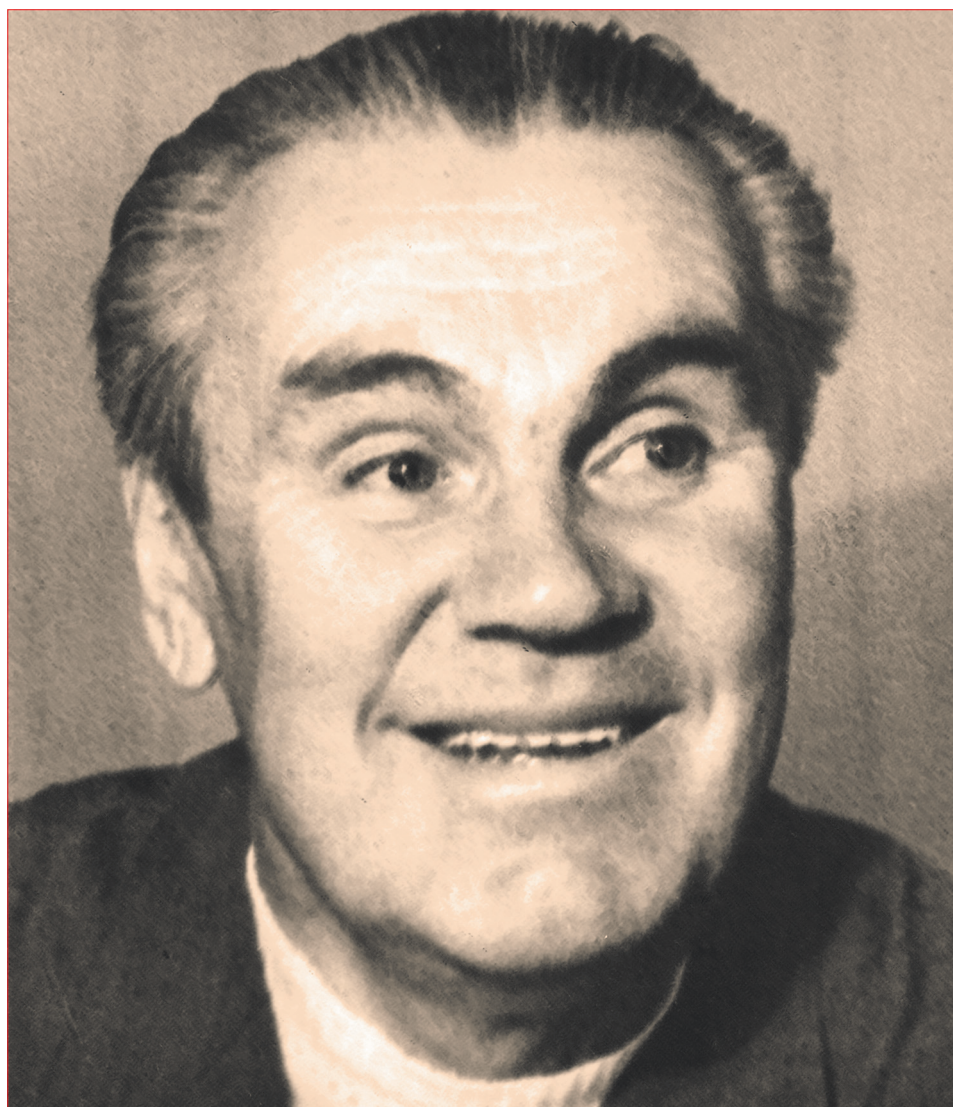
Рядом с нежным, лирическим, иногда элегичным направлением васильевской поэмы, с открытостью разомкнутой души, неиссякаемой энергией жизнеутверждения, всё чаще звучат насмешливые, саркастические нотки в экспромтах, эпиграммах и, наконец, в пародиях на братьев-писателей. Сборник «С открытым забралом» разошёлся многотысячным тиражом... Сегодня он стал раритетом.

В пародиях раскрылся артистизм васильевской поэмы, богатое воображение, образительное мастерство и тонкий психологизм. Блистательны его «Бурбоны из Сорбонны» (на П.Антокольского), «Зизигаги» (на С.Кирсанова), «До риза и после, или мистика в три листика», «Вологодская расподия» (на А.Яшина), «Охота князя Василия Шуйского на Пао-Пао» (на И.Сельвинского) и многие другие.

И всё-таки добрый смех преобладает, радость наполняет его лирику, васильевская музыка принимает всю полноту жизни. Потому что горит в его сердце «огонь великого родства».

Искра ДЕНИСОВА,
кандидат филологических наук

«Огонь великого родства»

И если есть во мне хоть малость
того, что следует беречь,
так это ваша власть сказала
и отложилась ваша речь,
и если ярость азиатка
во мне, как брага, разлита,
так это ваша вина
скользящая даль и прямота.

Эта любовь и участие в делах земляков наполняют нежностью интонации его поэм и стихотворных циклов, звенят в жизнерадостных песнях и даже смягчают сарказм пародий.

Известность пришла к Сергею Васильеву после публикации баллады «Голубь моего детства». Молодой задор и озорство, стремительный темп рассказа, душевная открытость и непосредственность покоряют читателя. Появляется новый самобытный поэт.

Следом – проникновенный, горестный сказ о судьбе Анны Денисовны, матери знаменитого полководца Павла Дыбенко. Языковое богатство здесь поддержано песенно-сказовой интонацией, подкупающей не красочную традицию. Две разных судьбы раскрываются с помощью приёма контрастного параллелизма. Одновременно рождают сыновней покаяния и Анна Денисовна, одна – в богатстве, другая – в поле, на работе:

Рдели звёзды.
Шумела жимолость,
и не слышали тополя,
как твоими слезами вымылась
истомившаяся земля.

Глубокое внимание к своей героине, бережное отношение к её душе, к её страданиям вложит поэт в каждую строфу...

Сколько тяжких снопов повязано,
сколько скошено трав-отав,
сколько стёрлено, да не сказано,
сколько сказано, да не так.
Сколько чашею загублено,
сколько высыпано на дно.
Сколько люблено-недолюблено,
сколько вымолвить не дано.

И вдруг неожиданная по тону и стилистике, весёлая, разудалая песня об отчаянном, лихом, обаятельном, изобретательном воришке Ваньке по кличке «Выдра». Здесь двадцатитрёхлетний поэт использует личный опыт, ведь к началу НЭПа он пришёл таким же подростком, а в тяжелейшем для страны 1922 году оказался беспризорником, как и тысячи детей, потерявших родителей в годы гражданской войны. Понимание Ванькиной жизни «изнутри», тонкая стилизация, граничащая с перевоплощением, задают ритм популярной песенки «Юп со смыком». Остроумие, с которым написана песня, и динамичный сюжет сделали «Выдру» необычайно популярной.

Но вот появляется «Портрет партизана», обозначающий творческое восхождение С.Васильева в эпическом жанре. Объёмная трилогия воссоздаёт путь героя-земляка в контексте реальной жизни русской деревни 20 – 30-х годов. Александр Черенок – её сын

паёт в ряды действующей армии. Он был в числе той тысячи писателей, о которых сказал в лето Победы Маршал А.М. Васильевский: «Воодушевляя Красную Армию на великие ратные подвиги за честь и независимость нашей Родины, советские писатели вложили свой неоценимый вклад в дело Победы». Фронтная печать была и остаётся свидетельством огромной работы поэтов А.Твардовского, Н.Тихонова, П.Шубина, А.Суркова, С.Прокофьева и многих других.

В минутные переделки в мимолетке, в краткие мгновения солдатского перекрестка рядовой Сергей Васильев – поэт. Стихи шли, набегали, выплывали на волю.

Май 42-го принёс поэту радость: в двух номерах «Правды» опубликована поэма «Москва за нами». В том же году в «Правде» были напечатаны такие потрясающие художественные документы войны, как «Наука ненависти» М.Шолохова, «Русские люди» К.Симонова.

Специальный выпуск газеты «Уничтожить врага» целиком посвящён поэме С.Васильева. Каким-то чудом сохранился у автора потемневший, совсем ветхий на сгибах, этот драгоценный газетный листок. В левом верхнем углу жирным шрифтом набран лозунг: «Смерть немецким оккупантам!» Подвиг артиллера Фёдора Чихмана, положенный в основу героического эпизода, был обычным явлением для того времени, а эпизод на батаре, ставший фактом поэзии, получил значение типического, закономерного в массовой героике тех лет.